

«КАМАРИЛЬЯ» АКАДЕМИКА КОМАРОВА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В.В. Богатов¹, И.А. Урмина²

¹*Федеральный научный центр биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН, г. Владивосток*

²*Архив РАН, г. Москва*

Обсуждается история возникновения и правомерность применения в мемуарной литературе понятия «камарилья» по отношению к окружению академика В.Л. Комарова – президента АН СССР в 1936–1945 гг.

Ключевые слова: Академия наук СССР, В.Л. Комаров, О.Ю. Шмидт, Великая Отечественная война, эвакуация, Казань, Свердловск, план работы, комиссия Комарова, камарилья

"CAMARILLA" BY ACADEMICIAN KOMAROV: MYTHS AND REALITY

V.V.Bogatov¹, I.A.Urmina²

¹*Federal Scientific Center of the East Asia Terrestrial Biodiversity, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia*

²*Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The history of the origin and legitimacy of the use of the concept of “camarilla” in the memoir literature in relation to the surroundings of academician V.L. Komarov - President of the USSR Academy of Sciences in 1936–1945 is discussed.

Keywords: USSR Academy of Sciences, V.L.Komarov, O.Yu. Schmidt, Great Patriotic War, evacuation, Kazan, Sverdlovsk, work plan, Komarov commission, camarilla

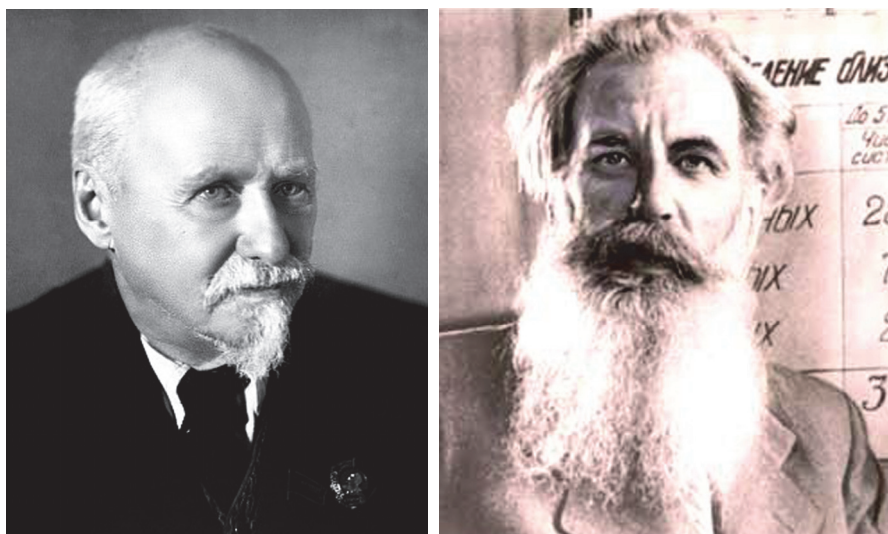
Камарилья (исп. *Camarilla* — «комнатка», «тайный кабинет») — группа интриганов в палате перед опочивальней испанского короля Фердинанда VII; в переносном смысле — ближний круг правителя из земляков, приятелей, сослуживцев. Позже название «камарилья» стало нарицательным. Означает группу придворных, старающихся влиять на ход событий скрытыми интригами, наушничеством, доносами и тому подобным [<https://ru.wikipedia.org/>].

В мемуарной литературе об академике Владимире Леонтьевиче Комарове (13.10.1869 – 05.12.1945) – выдающемся учёном-ботанике, вице-президенте (1930–1936) и президенте Академии наук СССР (1936–1945) – встречается созвучное его фамилии слово «Камарилья», проявившееся по отношению к окружению Комарова в конце 1941 г. Считается, что «Камарилья», как группа особо приближенных к Комарову коллег, негативно влияющая на принимаемые им решения, могла сформироваться в процессе «конфликта», возникшего между В.Л. Комаровым и вице-президентом АН СССР О.Ю. Шмидтом, в связи с разработкой плана работы Академии на первое полугодие 1942 г.

В.Л. Комаров, несомненно, высоко ценил О.Ю. Шмидта. В частности, в своём выступлении на торжественном собрании АН СССР 24 ноября 1937 г., посвященном 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции, В.Л. Комаров среди важнейших достижений советских учёных особо отметил заслуги и О.Ю. Шмидта: *«Мы имели более полутора ста экспедиций, проведенных за это время, которые осветили чрезвычайно много так называемых белых пятен, позволили нашим республикам и краям основать новые производства, выявить свои силы и свои возможности. Экспедиции эти влили в социалистическую науку также чрезвычайно много сведений и, наконец, были увенчаны тем, что в нашей работе принимает участие акад. О.Ю. Шмидт, полярные экспедиции которого покорили северные окраины нашего Союза, далеко лежащие в полярном море острова, и, наконец, дали возможность основать научную станцию даже на Северном полюсе и в районе полюса выполнять те задачи, которые казались нам совершенно недостижимыми. Прекрасный математик, отважный полярный исследователь, глубоко и энциклопедически образованный учёный, О.Ю. Шмидт является гордостью нашей страны и известен, конечно, всему миру»* (Комаров, 1937, с. 35).

Сам Отто Юльевич также с огромным уважением относился к В.Л. Комарову. Ведь именно по инициативе Шмидта в период празднования 70-летнего юбилея Владимира Леонтьевича (1939) Ботаническому институту (Ленинград) и Горнотаёжной станции (Приморский край) указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 апреля 1940 г. было присвоено имя В.Л. Комарова [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 107. Л. 1].

Известно, что О.Ю. Шмидт и В.Л. Комаров блестяще сработали «в паре» в начальный период Великой Отечественной войны – Шмидт занимался сложнейшей по масштабам и срокам эвакуацией академических учреждений из Москвы и Ленинграда в Казань (на тот период этот город был способен принять основную часть московских академических институтов и обеспечить работу президиума АН СССР) и другие города СССР, а Комаров, переехав в Свердловск, организовывал работы по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны*. Оба руководителя в конце 1941 г. разрабатывали также планы работ

Академики В.Л. Комаров (слева) и О.Ю. Шмидт (справа).

* В.Л. Комаров в период эвакуации Академии наук СССР должен был по решению СНК СССР отбыть вместе с другими престарелыми академиками на курорт в Боровое (Казахстан). Однако по дороге на курорт Владимир Леонтьевич решил остановиться в Свердловске. Отлично осознавая значение уральского региона с точки зрения изобилия полезных ископаемых, остроты проблемы ресурсов и стратегического сырья, Комаров обратился в Правительство с просьбой оставить его на Урале для организации работы по мобилизации природных ресурсов региона и получил на это разрешение. Безусловно это был его личный гражданский подвиг! Сложившееся в результате переезда Комарова в Свердловск пространственное разделение президиума и президента было на тот период вполне оправдано и рационально. Технически отменять ранее принятое решение о переводе и размещении президиума в Казани, город, который имел возможность принять основные силы Академии, не имело смысла: еще не были созданы условия для перевода президиума на Урал. В Свердловске при поддержке местных органов власти Комаров организовал работы по мобилизации природных ресурсов Урала на нужды обороны, возглавив соответствующую оборонную комиссию.

эвакуированных казанской и свердловской групп академических институтов, плюс сводный план Академии на 1942 г. В том, что О.Ю. Шмидт и президент Академии одновременно занимались составлением общего плана Академии не было ничего необычного – это стандартная практика подготовки ответственных документов: впоследствии все варианты обсуждаются и лучшие идеи или позиции учитываются в итоговом документе. То, что в дальнейшем работа по согласованию планов станет источником недопонимания между двумя выдающимися учеными, на наш взгляд, явилось следствием невероятно возросших организационных нагрузок, обрушившихся на руководителей АН СССР, их нервного перенапряжения, а также всевозможных слухов, пересудов, домыслов (ведь многие члены Академии искренно не понимали, почему Комаров отделился от президиума и остановился в Свердловске, а не в Казани), аппаратных недоработок, а может быть и чьих-то целенаправленных акций, организованных в начальный и самый тяжёлый период военных действий на фронте (нельзя здесь исключать и проявление активности немецкой агентуры). Немаловажную роль в недопонимании могли сыграть, в некоторой степени, и авторитарные черты характера Отто Юльевича. Но об этом чуть позже...

Г.А. Савина (2012), биограф В.Л. Комарова, пишет: *«Следует отметить, что к моменту возникновения конфликтной ситуации с планом, появились первые симптомы присутствия сложившегося вокруг президента окружения так называемой камарильи и заметного влияния этих людей на нездорового и стареющего Комарова»*. В доказательство своих слов Савина ссылается на архив В.И. Вернадского, в котором имеется записка геолога Е.Л. Кринова, относящаяся к этому времени. Вызванный осенью 1941 г. в Свердловск в распоряжение А.Е. Ферсмана, возглавлявшего оборонное направление исследований, Кринов писал: *«Начав работу в Свердловске, до нас стали доходить слухи о том, что вокруг Комарова создано окружение из работников Комиссии по мобилизации ресурсов Урала во главе с Гальпериним, а также Шпаро, которые близки к В.Л. Комарову и без советов с которыми [выделено авт.] Вл. Л. Комаров не принимает никаких решений...»*. Далее в своей записке Кринов отмечал попытки нового окружения президента заменить собой Президиум АН СССР, превышения полномочий и злоупотребления властью, им не принадлежавшей, в решениях академических проблем.

Попробуем разобраться в данной ситуации. Обращает на себя внимание первая часть записки Кринова, где он ссылается исключительно на слухи, что уже ставит под сомнение утверждения геолога. Причем все дальнейшие умозаключения сводятся к выводам о превышении окружением Комарова своих полномочий и злоупотреблением властью, что вряд ли входит в область компетенции Кринова. Скорее всего, такие умозаключения им были сделаны с чьей-то подачи. Кроме того, в записке сказано, что именно Комаров не принимает решения без советов со своими коллегами, что всегда считалось принципом коллегиальности в руководстве. Что здесь плохого? Вот если бы

окружение Комарова не советовалось бы с президентом и принимало решения, пользуясь его недееспособностью, тогда эту группировку можно было бы и признать «камарильей».

Известно, что командный стиль руководителя был свойствен как раз О.Ю. Шмидту. Несомненно, подобный стиль во многом помог ему успешно справиться с эвакуацией Академических учреждений вглубь страны. С другой стороны при разработке масштабных научно-технических планов коллегиальность в руководстве, свойственная В.Л. Комарову, была вполне оправданной и эффективной. Неудивительно при этом, что именно на научного сотрудника В.М. Гальперина, как организатора и руководителя «камарильи», обращает внимание автор пресловутой записки. Для непосвященного в особенностях построения/организации работы академических комиссий необходимо пояснить, что Гальперин был не личным секретарем Комарова, а ученым секретарем всей Комиссии, и по своим функциональным обязанностям выполнял роль руководителя секретариата, где собиралась информация, проводилась ее обработка, подготовка материалов для председателя Комиссии, общее оформление решений и т.п. Поэтому нет ничего странного в том, что именно с Гальпериным чаще всего и общался председатель комиссии. Строить на аппаратном взаимоотношении какие-то выводы о формировании особой «комаровской» группы, по крайней мере не разумно.

В связи с высказанными Криновым обвинениями (а «превышение и злоупотребление властью» относится к разряду серьезных обвинений), полезно познакомиться с исследованием причин конфликта между Комаровым и Шмидтом, предпринятым А.А. Сафроновым (2009). Со ссылкой на Л.В. Матвееву (1993, с. 172) Сафронов сообщает: *«В декабре 1941 г. О.Ю. Шмидт посетил В.Л. Комарова. В письме И.В. Сталину 25 марта 1942 г. он сообщал: “В конце года я поехал к Комарову в Свердловск. В течение нескольких дней я подробно докладывал о ходе дела в Академии наук и получил полное его одобрение. Расстались мы очень сердечно“ ...»* (Сафронов, 2009, с. 136).

Нам нет основания не доверять этим строкам, но при этом следует иметь в виду, что у Комарова в зимний период обычно обострялась мучительная хроническая болезнь – псориаз. После непродолжительного лечения болезнь затухала. Шмидт разговаривал с президентом как раз в период обострения болезни и, несомненно, мог для себя сделать определенные выводы о возможности дальнейшего выполнения Комаровым своих обязанностей. Ведь Комарову в начале войны уже было 72 года, а за два года до этого, 5 августа 1939 г., Владимир Леонтьевич перенес инсульт. Врачи констатировали кровоизлияние в правое полушарие головного мозга и левосторонний паралич...

Далее А.А. Сафронов пишет: *«После этого визита произошли чрезвычайные события. В книге Л.В. Матвеевой [1993 г. – авт.] читаем: “Вскоре по приезде в Казань О.Ю. Шмидт узнал, что В.Л. Комаров написал письмо Сталину, оскорбленный тем, что план основных научно-исследовательских работ Академии на первое полугодие 1942 г. не был ему доставлен в Свердловск.*

Тем самым якобы О.Ю. Шмидт игнорировал президента и отстранил его от работы...» (Сафронов, с. 136–137). А.А. Сафронов справедливо высказывает сомнения в существовании подобного письма, поскольку оно не могло быть секретным. Сафронов в связи с этим замечает: *«Было бы интересно его почитать, но писать такие письма — не в стиле Комарова... ..Если бы В.Л. Комаров в самом деле направил письмо И.В. Сталину и Сталин узнал о “расколе Казани и Свердловска”, санкции последовали бы немедленно. На деле они произошли в конце марта 1942 г. и совсем по другому поводу»* (Там же, с. 137).

О порядочности Комарова по поводу взаимоотношений со своими коллегами написано много воспоминаний. Учитывая, что текст упомянутого мифического письма до сих пор никто не видел, информацию Шмидта об отправке Комаровым письма Сталину мы вынуждены отнести к разряду все тех же домыслов... А.А. Сафронов (2009, с. 137), предложил более реальную версию событий: *«Комаров по правилам субординации в начале декабря 1941 г. направил И.П. Бардина [академик, член Комиссии Комарова, с 1937 г. руководитель Уральского филиала АН СССР, с 1942 г. вице-президент АН СССР – авт.] в Казань доложить президиуму Академии наук план Комиссии Комарова на 1942 г. Шмидт как вице-президент по тем же правилам обязан был направить президенту казанский план, мог доставить и лично... ..В декабре 1941 г. президиум Академии наук в Казани заслушал доклад академика И.П. Бардина о плане Комиссии Комарова на 1942 г. и признал его выдающимся документом. Но этому плану не дали естественного “хода по инстанции”, т. е. не передали в Госплан СССР... ..В начале марта 1942 г. председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский прислал В.Л. Комарову на заключение план Академии наук на текущий год [речь идет о плане, подготовленном О.Ю. Шмидтом – прим. авт.]. Чтобы дать заключение, В.Л. Комаров создал комиссию, включив в нее находившихся в Свердловске академиков. Оказалось, в плане Академии наук полностью отсутствовал материал “О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны”! В.Л. Комаров включил его в план Академии. Кроме того, он дал критические замечания по плану О.Ю. Шмидта: “в плане нет работ, которые... завершили бы исследование предыдущих лет, именно они могли бы дать немедленный эффект. В то же время в план были включены исследования, которые могли бы дать результаты через несколько лет”. Документ был направлен на имя Н.А. Вознесенского 14 марта 1942 г.Таким образом, только во второй половине марта 1942 г. в правительстве стало ясно, что О.Ю. Шмидт фактически срывает работу Академии наук»* (Сафронов, 2009, с. 137).

Ко всем вышеприведенным доводам о попытках Шмидта сорвать работу Академии можно было бы и прислушаться, если бы не одно обстоятельство: какой смысл было Шмидту скрывать свой план от Комарова, если все равно этот план должен был прийти президенту Академии на утверждение? Скорее всего в тот сложный военный период 1941–1942 гг. из-за переутомления сотрудников, или по каким-то другим причинам произошел банальный сбой работы аппарата Академии.

Подводя итог своему исследованию, А.А. Сафронов (2009, с. 137) пишет: «О.Ю. Шмидт успешно провел эвакуацию институтов в Казань, но не смог своевременно разработать план их работы на 1942-й год. Именно В.Л. Комарову пришлось доводить этот план «до ума». При этом в конце 1941 — начале 1942 г. оппонирование О.Ю. Шмидта В.Л. Комарову усиливалось, грозя дезорганизацией работы Академии наук. Конфликт был разрешен И. В. [Иосифом Виссарионовичем Сталиным – авт.]»

Приведем полный текст соответствующей телеграммы Сталина:

Свердловск. Президенту Академии наук Комарову В.Л., копия Казань вице-президенту Академии наук О.Ю. Шмидту. Совнарком СССР стало известно, что представленный Правительству вице-президентом Академии наук О.Ю. Шмидтом план основных научно-исследовательских работ Академии наук на первую половину 1942 г. не был известен президенту Академии наук, и президент был лишен возможности предварительно ознакомиться с этим планом. Многие академики также были лишены этой возможности. Таким образом, со стороны вице-президента О.Ю. Шмидта была сделана нелояльная попытка игнорирования и фактического отстранения президента от руководства Академией наук. Совнарком считает такое положение нетерпимым, а поведение О.Ю. Шмидта – дезорганизующим работу Академии наук. Ввиду изложенных обстоятельств Совнарком СССР решил отстранить О.Ю. Шмидта от обязанностей вице-президента и исключить его из состава Президиума Академии наук. Доводя об этом до вашего сведения, я выражаю уверенность, что, несмотря на трудные условия военного времени, научная деятельность Академии наук будет развиваться в ногу с возросшими потребностями страны и Президиум Академии наук под Вашим руководством сделает все необходимое для осуществления стоящих перед Академией наук задач.

Председатель Совнаркома И. Сталин. 24 марта 1942 г. [Сафронов, 2009, с. 138; ЦДООСО. Ф.4. Оп.31. Д.159. Л.227].

Далее из материалов А.А. Сафронова узнаем, что «По получении телеграммы Сталина Шмидт направил ему письмо. Начало письма следует процитировать: “25 марта 1942 г. я получил вашу телеграмму об отстранении меня от должности вице-президента Академии наук и тотчас же сдал дела вице-президенту Е.А. Чудакову. Я пишу не для того, чтобы оправдаться, так как я действительно целиком виноват и решение Совнаркома после моей коренной ошибки (фактически это не ошибка, а преступление. — А.С.) совершенно естественное и неизбежное“.... Далее О.Ю. Шмидт писал о болезни В.Л. Комарова, о переходе дел от президента к вице-президентам, о том что он (О.Ю. Шмидт) ничего не решал единолично, о неожиданном переезде В.Л. Комарова в Свердловск, о поездке Шмидта в Свердловск...» (Сафронов, 2009, с. 138).

А.А. Сафронов по каким-то причинам посчитал, что вторая, то есть большая часть письма Шмидта, есть «не что иное, как продолжение борьбы с

Комаровым» (Там же, с. 138). Представляется маловероятным, чтобы О.Ю. Шмидт в период нападения германских войск на СССР стал затевать какую-либо «борьбу» с Комаровым. Враг рвался к Москве, это был грозный час для всей страны. Комаров, Шмидт, как и другие члены Академии, старались по мере своих сил как можно быстрее перестроить работу Академии на военный лад. Время было явно не для «подковёрных игр». При этом Шмидта, как вице-президента, не мог не волновать вопрос о состоянии здоровья президента Академии. Кроме того, для Шмидта, как и для многих коллег из его окружения, было не вполне понятно желание Комарова остаться в Свердловске, отделив себя от президиума, отсюда, по-видимому, и появились соответствующие слухи и пересуды... Но наиболее важный момент соответствующего недопонимания был связан с тем, что Шмидт откровенно недооценивал роль Уральского региона в войне. Именно поэтому он и не включил в свой вариант плана блок по развитию народного хозяйства Урала. Кроме того, он, очевидно, просто не поверил в возможности Комарова, ведь Владимир Леонтьевич был в возрасте и не здоров. Вот почему слухам о каких-то неблагоприятных действиях «камарильи» Шмидт отнесся слишком серьезно, не замечая того, что в его собственном окружении уже давно сложилась казанская «камарилья», откровенно провоцирующая его на конфликт с президентом Академии наук...

Несомненно, О.Ю. Шмидт, как и другие герои полярники, находился в числе «любимчиков» Сталина. Учитывая особые отношения с вождем, Отто Юльевич в своем ответном письме Сталину не мог не объясниться хотя бы формально перед лидером государства в своих действиях. При этом и его сетования относительно болезненного состояния Комарова, и непонятного для Шмидта пребывания президента Академии в Свердловске совершенно не выглядят как продолжение какой-то бесперспективной борьбы, особенно после принятого Сталиным решения.

Очень важно, что в своем исследовании А.А. Сафронов дополнительно рассматривает пересказанные выше события и с точки зрения «казанцев»: *«Происшедшее интерпретировал в воспоминаниях участник тех событий М.А. Садовский [академик – прим. авт.]. Для него О.Ю. Шмидт на всю жизнь остался кумиром, к тому же М.А. Садовский абсолютно не владел информацией. И поэтому в своих воспоминаниях он защищает Шмидта. М.А. Садовский делал упор на болезнь В.Л. Комарова и единоличное руководство Академией наук О.Ю. Шмидтом. Подчеркивал, что “казанская группа была много мощнее свердловской и работала успешнее. Это вызывало неудовольствие свердловчан...”*. Из окружения В.Л. Комарова, из «камарильи», как острили в Казани, он не знал ни одного достойного человека (?!). Эти люди якобы сумели собрать в Свердловске материалы, доказывавшие стремление О.Ю. Шмидта к подмене президента и добились решения партийных и правительственных кругов в Свердловске, осудившего О.Ю. Шмидта. На партийном собрании в Казани он признал многие свои “грехи”: недостаток самокритичности, стремление к власти и т. п. Слушали

его внимательно и с нескрываемым сочувствием. В целом О.Ю. Шмидт считал решение правильным» (Сафронов, 2009, с. 138; ссылка на: Садовский 2004, с. 214–215).

Из приведенного выше текста становится ясно, что с точки зрения «казанцев», слово «комарилья» в Казани считалась острóтой. То есть окружение Комарова «казанцы» в шутку называли «комарильей», и, что существенно, — через «о». Шутка оказалась живучей. Впоследствии это слово «прилипло» к окружению Комарова видимо из-за своей созвучности с фамилией президента и через какое-то время с чьей-то «легкой руки» трансформировалось в «камарилью». А это, согласитесь, уже не одно и то же. Очень скоро «камарилья», как психологический феномен, на подсознательном уровне закрепился в научной среде (в психологии это называется «общепсихологической негативной установкой») и стал, таким образом, обязательным мифическим атрибутом окружения Комарова независимо от его состава и проявления. А как известно природа людей такова, что при антагонизме установок сознания и подсознания чаще побеждает последняя.

В своем исследовании А.А. Сафронов (2009, с. 139) особо отметил, что *«По всему, Шмидт и Садовский недооценили Комарова»*. Действительно, говорить, что в команде Комарова нет достойных людей, это, конечно, несправедливо и цинично. Тот кто обижен, всегда ищет оправданий, а чаще всего — виновных в своих неудачах на стороне. Все-таки О.Ю. Шмидт в воспоминаниях Садовского предстает перед нами вполне разумным человеком с сильным характером. Он нашел в себе мужество признать свои ошибки, не ушел от дел и в дальнейшем эффективно руководил Институтом теоретической геофизики. После эвакуации в 1943 г. по его инициативе структура института была заметно усовершенствована. Садовскому, к сожалению, обида за своего кумира не позволила объективно разобраться в ситуации.

Так кто же превышал власть: «казанцы» О.Ю. Шмидта или «комарилья» Комарова? По-видимому, нет особого смысла разбираться в этой проблеме, поскольку данный фактор не являлся преобладающим. Сафронов (2009, с. 136) вполне оправдано видит причину «раскола» между президентом и вице-президентом Академии в особенностях организации работ в Свердловске и Казани: *«У В.Л. Комарова — последовательность, системность на каждом этапе и отчет о результатах каждого этапа. У О.Ю. Шмидта эти основополагающие правила отсутствовали, вместо них — неоправданная спешка или запаздывание с планом, к тому же — слабая связь с наркоматами»*.

В то же время, ради объективности, мы должны заметить, что с В.Л. Комаровым, как президентом Академии наук, действительно сложно было работать и встречаться в периоды обострения его болезни. Несомненно, возраст и болезнь президента не могли не вызывать тревогу у окружающих коллег, а то и прямое недовольство среди членов Академии. Однако Комаров умел погружаться в работу, и главное, обладал природным здоровым смыслом,

аналитическим типом мышления, высоким кругозором и знаниями. По сути В.Л. Комаров был «трудоголиком», как сказали бы сегодня, и ценил людей в первую очередь по деловым качествам, а не по их отношению к своей персоне. В частности, к работе в Уральской Комиссии он, например, активно привлекал академика А.Е. Ферсмана, который, как считается, находился с Комаровым в натянутых отношениях. Но Ферсман, как и Комаров, обладал удивительной работоспособностью, был выдающимся специалистом в своей области, организатором Уральского филиала Академии АН СССР, хорошо знал Уральский регион и, конечно, был полезен Комарову. Кроме того, А.Е. Ферсман, также ценил работоспособность В.Л. Комарова. На юбилейной сессии, посвященной 70-летию юбилею президента Академии, он, в частности, заявил: *«По существу будет правильно сказать, что в Академии Владимир Леонтьевич работает больше всех и часто за многих...»* (Ферсман, 1939. С. 20).

Несомненно в 1941 г. Владимир Леонтьевич отдавал себе отчет в проблемах, связанных со своим возрастом и здоровьем. Он отлично понимал, что если в начальный период эвакуации Академии наук заявить о своем стремлении взяться за превращение Уральского региона в основной оборонно-промышленный комплекс страны, то к этой идее вряд ли отнесутся серьезно. Никто просто не поверит, что «живые мощи», как его называл академик Ферсман, смогут организовать и поднять столь гигантский объем работ. Ведь в это время на Урал уже эвакуировалось большое число заводов, местные заводы получали оборонные заказы, требовались дополнительные сырьевые, в особенности рудные и топливные ресурсы. По сведениям Е. Спицина (2018) в первые месяцы войны была проведена невиданная по масштабам эвакуация, когда в восточные регионы страны было вывезено не менее 2600 и введено в строй более 3500 крупных промышленных предприятий, прежде всего военно-промышленного назначения.

Да, В.Л. Комаров был болен, редко куда выезжал, и этот, казалось бы, серьезный недостаток в конкретных условиях работы оборонной комиссии, как ни странно, был ощутимо удобным для окружающих. Дело в том, что даже когда у Комарова обострялась болезнь и он лежал в постели в окружении телефонов, то до него легко было дозвониться в любое время и немедленно решить возникшие проблемы, что обеспечивало высокую эффективность по координации мероприятий на огромной территории. Большую помощь по уходу за больным в это время оказывала его супруга Надежда Викторовна Комарова. Именно благодаря её постоянной заботе и уходу президент Академии был дееспособен даже в самые тяжелые моменты обострения болезни.

Недовольство Комаровым со стороны некоторых членов Академии, проявившееся в начальный период войны, постепенно стало сходиться на нет, когда коллеги, наконец, увидели, что их лидер несмотря ни на что вполне работоспособен, а деятельность Комиссии Комарова стала заметно влиять на ход событий. Здесь к месту будет напомнить, что в апреле 1942 г. творчески-

поисковая работа «Комиссии Комарова» в конечном итоге была удостоена Сталинской премии первой степени, причем вместе с большой группой ученых лауреатом этой премии стал и В.М. Гальперин, о котором сетовал в своей записке Вернадскому геолог Е.Л. Кринов. В Комарова вновь поверили, и не случайно, когда в мае 1942 г. были назначены очередные выборы президента Академии наук СССР, Академия избрала В.Л. Комарова своим президентом на второй срок.

Надежда Викторовна и Владимир Леонтьевич Комаровы, 1941 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 47]

Надо заметить, что В.Л. Комаров, кстати, тоже извлек уроки из произошедшего с О.Ю. Шмидта «конфликта». Ведь число направлений исследований и ответственностей Академии в военный период настолько возросло, что усложнило работу академическому руководству, состоящему всего из 3-х человек: самого президента и двух вице-президентов. Академия в этот период не имела даже своего неперменного секретаря. Эту должность упразднили в 1938 г. после ареста, а затем и расстрела в качестве «врага народа» неперменного секретаря АН СССР академика Николая Петровича Горбунова. Учитывая полученный «в конфликте» со Шмидтом опыт, Комаров пошел на смелый, но оправданный шаг: он предложил СНК СССР и Общему собранию Академии вместо 2-х, избрать 6 вице-президентов. Была также

восстановлена должность неперменного секретаря Академии, названная теперь «главный ученый секретарь». Все предложения Комарова были одобрены членами Общего собрания единогласно. Каждый новый вице-президент Академии теперь отвечал за определенное направление работ, что повысило их эффективность. Кроме того, решением Общего собрания и с согласия правительства президиум Академии был наконец-то переведен из Казани в Свердловск.

Заседание Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. Слева направо: В.А. Обручев, Н.В. Комарова, В.Л. Комаров, Б.А. Шпаро, В.П. Волгин, В.М. Гальперин, И.П. Бардин, А.Г. Чернов, И.С. Пустовалов, Г.А. Соколов, Б.Г. Кузнецов, Э.В. Брицке, 1942 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 57]

Результаты работы Комиссии Комарова показали целесообразность и эффективность деятельности Академии наук СССР в мобилизационном формате (т.е. при наделении мобилизационными полномочиями), предложенном её президентом, и получила полную поддержку руководства страны. Сегодня общепризнано, что именно Комарову в тот тяжелейший для страны начальный этап Великой Отечественной войны удалось создать и наладить удивительно эффективную и мобильную для военного времени форму и систему взаимодействия ученых, научно-исследовательских и образовательных учреждений с промышленным оборонным комплексом. Академиков довольно часто можно было видеть в цехах заводов и фабрик. К работе Комиссии было привлечено более 800 научных и технических сотрудников, было задействовано свыше 60 учреждений (Дорошев, 1943). По свидетельству академика В. В. Костюка, «по объему и сложности научных и

практических задач и по количеству специалистов, участвовавших в их решении, наиболее масштабной оказалась работа Комиссии по мобилизации ресурсов Урала. Именно ею были разработаны методы и определены организационные формы, которые впоследствии использовались в районах Западной Сибири, Казахстана и Поволжья» (Костюк, 2005. С. 981). Комиссия была тесно связана с девятью наркоматами, и особенно Госпланом СССР, а также с руководящими органами Свердловской, Челябинской, Молотовской, Новосибирской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей. Из ведомственных институтов в работе комиссии наиболее активно участвовали Уральский индустриальный, Уральский горный, Уральский лесотехнический (Сафронов, 2009). Созданные затем по аналогии с Комиссией Комарова другие оборонные Комиссии Академии наук, в дальнейшем приняли на себя руководство всем инновационным комплексом СССР. Среди них: «Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья» под руководством академика Е.А. Чудакова, «Комиссия по научно-техническим военно-морским вопросам» под руководством академика А.Ф. Иоффе и, на то время, д.т.н. И.В. Курчатова, «Военно-инженерная комиссия» также под руководством академика А.Ф. Иоффе, «Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии» под руководством академика А.Е. Ферсмана, «Военно-санитарная комиссия» под руководством академика Л.А. Орбелли, «Комиссия по восстановлению разрушенного хозяйства» под руководством академика А.А. Скочинского, и др. Причем одни и те же члены Академии могли входить в состав нескольких комиссий.

В задачу оборонных комиссий входило, в первую очередь, создание и усовершенствование боевых технических средств Красной армии и Военно-морского флота, организация помощи промышленности в налаживании массового производства новой оборонной техники, выработка технологических схем для расширения и ускорения выпуска продукции для победы, мобилизация ресурсов (металла, топлива, электроэнергии и др.) восточных районов СССР, восстановление западных и южных районов страны, идеологическая борьба против фашизма.

Оборонные комиссии, как система взаимодействия науки и производства, не требовали дополнительного вмешательства руководства Академии и членов президиума в свою работу. В этом плане показательны выдержки из письма вице-президента А.Ф. Иоффе, которое он направил Комарову 2 августа 1943 г. из Казани в связи с проблемами, возникшими при эвакуации институтов и учреждений Академии наук СССР в Москву: *«Без Вас не налаживается работа Президиума: Александру Александровичу [Байкову] не удастся сплотить его и даже вице-президентов; каждый из нас сам по себе, ведет свою линию... Правда, ряд институтов уже настолько связался с военными учреждениями и военной тематикой, что успешно работает и без Президиума...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 668. Л. 8, 9].

Часто говорят, что большое видится на расстоянии. А видится ли оно из нашего «далёка»? Казалось бы, всем уже давно все ясно, даже Сталинская

премия первой степени, как мера высшей оценки работы «Комиссии Комарова», была присуждена в 1942 г., и тем не менее в некоторых воспоминаниях участников событий или последующих обобщений архивистов, нет да и вновь «выскочит на арену» «камарилья» Комиссии Комарова*.

Приведем лишь один пример. Академик Владимир Алексеевич Виноградов (1921–2017) (историк экономики, организатор науки) в своих крайне интересных воспоминаниях о событиях, участником которых он был, тоже упоминает «камарилью», приводя **со слов очевидцев** [выделено авт.] пример увольнения в ноябре 1944 г. Павла Арефьевича Борисова: *«Тогда Павел Арефьевич был освобожденным секретарем парткома парторганизации Президиума АН СССР. В тот период президентом был академик В.Л. Комаров. Он был нездоров, плохо видел, вокруг него образовалась группа лиц, которые этим пользовались в своих личных интересах. Они получили прозвище «камарилья». П.А. Борисов пытался их поставить на место, открыто говорил о нездоровой ситуации, складывающейся вокруг Комарова.*

В ноябре 1944 г. В.Л. Комаров был принят И.В. Сталиным. Во время этой встречи наряду с постановкой деловых вопросов он сказал Сталину, что ему мешает работать секретарь парткома. В тот же день — 13 ноября — Г.М. Маленков позвонил секретарю Ленинского РК ВКП(б) и дал указание освободить Борисова от работы. Правда, и сам Комаров после визита к Сталину оставался президентом АН СССР всего несколько месяцев» (цит. по: Виноградов, 2012. <http://bezogr.ru/v-a-vinogradov.html?page=7>).

Известно, что многие люди часто не могут сработаться друг с другом. В этом нет ничего необычного. В приведенной выше цитате обращают на себя внимание фразы: *«открыто говорил»* и *«пытался поставить на место»*. Согласитесь, что одно дело открыто говорить, другое – пытаться ставить кого-то «на место». Представьте, что в вашем учреждении/предприятии некто вновь принятый на работу все время пытается поставить лично вас «на место». Чье место, кто его определил? В какой форме такая «постановка на место» осуществлялась? Очевидно, что Борисов в сложившейся ситуации представлял собой источник служебных конфликтов... При этом, если Комаров *«был нездоров и плохо видел»*, то какие обстоятельства его заставили обратиться с жалобой на Борисова к самому Сталину? Значит, он что-то видел и активно влиял на ситуацию.

** Заметим, что эпистолярное наследие, личные письма, не всегда являются источником исторических фактов, особенно, если мы имеем дело с эмоциями, пересказами чьих-то слов и пр. Но такие документы всегда являются отражением психологического состояния человека, причем подчас неосознанного, подсознательного. Современные архивисты при оценке личных документов обязаны учитывать психологию личности, общепсихологические установки в обществе и, наконец, обращать внимание на исторические (социальные) условия написания текстов. Иначе трудно будет отделить «зерна от плевел», но легко не заметить сути события или явления, попасть под влиянием эффекта «установочного фона».*

Еще один факт: Борисов был освобожден от работы с Комаровым без каких-либо серьезных для себя последствий. Ведь вскоре, по словам В.А. Виноградова, «он был назначен заместителем директора Института нефти и проработал в этой должности многие годы». Заметим, что жаловаться лично «отцу народов» во время ИСТОРИЧЕСКОЙ ВСТРЕЧИ, что кто-то МЕШАЕТ работе президенту Академии без серьезных последствий для последнего вряд ли было возможно... Скорее всего, В.А. Виноградов имел искаженную информацию и такой темы разговора со Сталиным у Комарова просто не было, а увольнение Борисова прошло без участия Сталина. Ведь ротация партийных кадров в то время было обычным явлением.

Показательно дальнейшее рассуждение В.А. Виноградова по поводу своего собственного устройства на работу в Иностранный отдел Президиума АН СССР, которое произошло в конце 1950 г.: «... Конечно, признание целесообразным использовать меня на работе, соответствующей полученной в МГИМО специальности, не могло меня не радовать. С другой стороны, я принимал Отдел, укомплектованный кадрами С.Г. Корнеевым, — это были “его люди”...». Данный пример показывает, что при ассоциативном восприятии действительности одни и те же обстоятельства могут быть интерпретированы с разных позиций: в одном случае – «камарилья», в другом – «его люди»...

В 1944 г. исполнялось 75 лет со дня рождения и 50 лет с начала научной деятельности В.Л. Комарова. Г.А. Савина в своем исследовании пишет: «Дружный хор ораторов славил Комарова, зачитывались правительственные приветственные телеграммы, вручались ордена и памятные подарки. Но на фоне мифотворческого процесса шел другой, менее заметный со стороны, но разрушительный по сути». Далее Савина усиливает впечатление о «разрушительном процессе» выдержками из патетической жалобы директора Института горючих материалов АН СССР С.С. Наметкина на окружение Комарова, направленной секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову: «Уже не первый месяц и не первый год в академической среде приходится слышать зловещее слово камарилья... Всякая попытка не только добиться чего-либо у президента, но даже его видеть и разговаривать с ним давно уже наталкивается на прочное кольцо его окружения. Как правило, всякий разговор с президентом проходил за последние годы в присутствии представителя этого окружения; всякая просьба, даже согласованная с президентом, неизбежно проходила затем корректуру у того же окружения и нередко оставалась совсем без ответа. Нужно ли удивляться, что за таинственной завесой деятельности этого окружения, или, как его называют, камарильи (Чернов, Кузнецов, Френкин и др.), пышно расцвела система сведения личных счетов и нашел приют самый беззастенчивый, а **говорят** [выделено авт.], даже преступный авантюризм».

Как-то неловко читать эти строки, написанные в духе обличений «врагов народа» 1930-х гг., как и комментировать их. Комарова действительно окружали разные люди, в том числе те, которые, вероятно, могли

воспользоваться своим служебным положением для удовлетворения каких-то личных нужд. Комарова также окружали приставленные агенты советских спецслужб, которые гласно или негласно обеспечивали безопасность президента и его окружения, сохранность гостайны. Окружали президента и друзья, коллеги, которым Владимир Леонтьевич доверял, с которыми советовался. На Комарова часто писали жалобы и доносы... Тенденциозно-агрессивный настрой некоторых жалобщиков и ходяков не позволял референту или охране оставлять Комарова наедине с ними. Кроме того, присутствие свидетелей при разговоре с отдельными посетителями также было необходимо. Надо понимать, что президент АН СССР обладал особо важной секретной информацией и представлял собой повышенный интерес для германских спецслужб. К президенту действительно сложно было попасть на прием... Что касается просьб, которые затем «проходили корректуру» (ныне эта процедура называется «экспертизой»), то данный способ проверки аргументов всегда являлся нормой. Еще его называют «научным методом»...

Что касается «ближнего окружения» Комарова — «Чернов, Кузнецов, Френкин и др.», — то слабо представляется, чтобы личный референт президента П.А. Чернов, находившийся при Комарове с 1938 г., обеспечивал «разрушительный по сути процесс» в АН СССР, как и соратник Комарова Б.Г. Кузнецов, который в конце 1944 г. помогал президенту организовывать Институт истории естествознания АН СССР, и уж тем более И.З. Френкин, который к тому времени в Академии уже не работал.

Известно, что В.Л. Комаров был близок с академиками В.И. Вернадским, В.А. Обручевым и другими членами Академии с которыми часто в неформальной обстановке обсуждал состояния дел в Академии. Вернадский вел дневник и подробно записывал в нем свои впечатления о встречах с Комаровым, оценивал его деятельность. За несколько месяцев до выборов 1943 г. Вернадский написал Комарову: «*Вы знаете, что я всегда с Вами откровенен...*» [АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 55. Л. 207]. Вернадский безусловно был в курсе всех разговоров о «камарилье», но не считал нужным обсуждать эту тему не только с Комаровым, но и хоть как-то отмечать это «явление» в своих записях. Для человека, близкого к Комарову, все разговоры о «камарилье» не представляли никакого интереса. Странно, что любители муссировать деструктивную роль «камарилье» до сих пор этого не заметили? В то же время именно в 1944 г. Вернадский написал в своем дневнике: «*Сейчас к окончанию войны моральное значение в мировой среде русских ученых должно сильно подняться, так как их роль в достижениях войны огромна, и мы должны считаться с огромным ростом науки в ближайшем будущем. Мировое значение русской науки и русского языка в мировой науке будет очень велико, раньше — небывалое*» (цит. по: Ленуа, 1990. С. 10). При оценке ситуации вокруг разговоров о «камарилье» полезно также вспомнить мнение И.П. Бардина, который утверждал, что Комаров «подбирал людей очень внимательно» (Савина, 2012).

В октябре 1944 г. советская общественность действительно тепло отметила 75-летний юбилей В.Л. Комарова. Президиум Верховного Совета СССР высоко оценил заслуги президента Академии Наук, присвоив ему звание Героя

Социалистического труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Поздравлений было много. Вот, например, текст из поздравительного адреса сотрудников Института Кристаллографии: *«В своё время Вы были одним из первых, поддержавших правильную мысль о необходимости организации самостоятельной Лаборатории Кристаллографии. Ваш веский голос в этом вопросе оказался тогда решающим и предопределил, в значительной степени, дальнейшее развитие Лаборатории, которая с гордостью носит теперь имя Института...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 82. Л. 2].

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин вручает награду академику В.Л. Комарову, 1944 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 39. Л. 1]

А это текст из адреса Отделения биологических наук АН СССР: *«... Отделение биологических наук, созданное Вами и в первые годы работавшее под непосредственным Вашим руководством, стало крупнейшей научной ассоциацией в Академии.*

Вы создали замечательную школу советских ботаников на базе Ленинградского университета и старейшего ботанического учреждения нашей страны – Ботанического Сада Академии Наук, который бережно хранит собранные Вами драгоценные коллекции.

Выдающийся биолог, Вы не ограничились, однако, своей деятельностью только областью биологии. Под Вашим руководством, как Президента Всесоюзной

Академии Наук, развернулась грандиозная работа во всех областях науки и техники, обеспечившая участие и помощь наших ученых как в мирном строительстве, так и в обороне СССР.

В годы Великой Отечественной войны Вы, гражданин и пламенный патриот нашей славной Родины, подняли и мобилизовали науку на непосредственное участие в борьбе с лютым врагом, грозившим самому существованию Советского Государства.

Мы убеждены, дорогой Владимир Леонтьевич, что еще много лет мы будем иметь счастье работать под Вашим вдохновляющим руководством. Желаем Вам здоровья, бодрости и сил в Вашей большой творческой работе.» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 88. Л. 2].

Как видим, все лаконично и без лишних восклицательных знаков. Наверное были и формальные восхваления. Однако, как до, так и после юбилея В.Л. Комаров не был похож на перехваленного чиновника. Слишком много было неотложных дел. В частности, после реэвакуации Академии наук в Москву, В.Л. Комаров включился в организацию работы по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Начиная с этого периода, страна стала приумножать сеть научных институтов и число ученых. В 1943 г. были организованы (Атомная) Лаборатория «2», Институт кристаллографии, учреждены Западно-Сибирский и Киргизский филиалы АН СССР, Академия педагогических наук РСФСР. В этом же году на базе дальневосточной Горно-таёжной станции им. В.Л. Комарова была образована Дальневосточная база АН СССР взамен закрытого в 1939 г. Дальневосточного филиала АН СССР, а в 1944 г. создана крупнейшая в мире Академия медицинских наук СССР. При поддержке Комарова в Москве строился Физический институт АН СССР, под Ленинградом восстанавливалась Пулковская обсерватория, разворачивалось строительство Ботанического сада в Москве. Под руководством Комарова готовилось научное обоснование проекта создания металлургической базы в северо-западном районе страны... (Богатов, Урмина, 2020).

13 ноября 1944 г. состоялась та самая историческая встреча Комарова со Сталиным, о которой упоминал в своих воспоминаниях академик В.А. Виноградов. В статье «Волнующая беседа» В.Л. Комаров писал: *«Недавно мне выпало на долю большое счастье. Я беседовал с Иосифом Виссарионовичем Сталиным и получил от него руководящие указания относительно работы Академии Наук СССР»* (Комаров, 1945, с. 6). Основные указания вождя касались мобилизации ресурсов на нужды фронта и военной промышленности, восстановления народного хозяйства в районах, освобожденных от оккупации, вопросов энергетики с особым вниманием к моторному топливу. В части сырьевых ресурсов одна из самых важных задач Академии Наук СССР, по мнению Сталина, заключалась в поисках новых рудных баз для ленинградской промышленности, а в области добычи и переработки нефти – поиск новых нефтеносных площадей, новых технологических методов переработки нефти и новых путей использования нефтепродуктов. Особое значение Сталин уделил истории естествознания и

созданию научного центра по истории мирового и отечественного естествознания в системе Академии Наук СССР. Комаров заметил: *«В беседе со мной Иосиф Виссарионович выразил удивление по поводу отсутствия такого института в Академии Наук. Это чрезвычайно важное дело, — сказал товарищ Сталин. — Молодежь в особенности должна знать историю науки»* (Комаров, 1945, с. 9). В течение встречи обсуждались также вопросы снабжения ученых иностранной литературой и лабораторным оборудованием, помощи республиканским академиям со стороны всесоюзных научных центров. Предварительно был решен вопрос и о праздновании в 1945 г. 220-летнего юбилея Академии Наук, как праздника всей мировой науки, и Столетнего юбилея Географического общества, которому принадлежит громадная заслуга в изучении природы нашей Родины и других стран.

Уже 22 ноября 1944 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление об образовании Института истории естествознания и назначении Комарова его директором. Сразу же начались организационные заботы по получению помещения, подбору сотрудников, приобретению научной литературы и инвентаря. По замыслу Комарова деятельность Института должна быть связана с историей мирового и особенно русского естествознания, хранения и публикации научного наследства классиков русской науки...

В рамках предварительной договоренности Комаров 20 декабря 1944 г. отправил Сталину письмо с обоснованием даты 220-летнего юбилея АН СССР. Юбилей Академии наук СССР рассматривался как большое политическое событие, демонстрирующее торжество науки победившей страны. Г.А. Савина справедливо отмечает, что грандиозный масштаб задуманных торжеств хорошо вписывался в план Сталина показать всему миру мощь и размах народа-победителя. При этом архивист замечает, что подготовка к юбилею носила яко бы оттенок хорошо известных на Руси потемкинских приготовлений...

Юбилейная сессия АН СССР проходила в Москве и Ленинграде с 15 июня по 3 июля 1945 г. В её работе приняли участие делегации из 19 стран и 123 участника, из которых почти половина – нобелевские лауреаты... Все зарубежные гости сессии приняли участие в Параде Победы на Красной площади, они смогли увидеть не только отремонтированные фасады академических институтов, но и руины на местах художественных и архитектурных памятников мирового значения в Петродворце и Пушкино, и пустое место там, где ранее высилась известная всему цивилизованному миру Пулковская обсерватория (Павлов, 1951).

В те дни в Президиум Академии наук, как и лично Владимиру Леонтьевичу Комарову, поступало множество поздравлений из разных уголков СССР и из-за рубежа. Прислал своё поздравление Комарову и Отто Юльевич Шмидт, который из-за тяжёлой болезни не смог присутствовать на торжествах: *«В эти знаменательные юбилейные дни вся Академия тесной семьёй окружает Вас, своего Президента, а вместе с Вами объединяется в радостном чувстве*

служения народу и в горячей благодарности нашему Правительству, так много сделавшему для развития науки и так высоко поднявшему значение Академии...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1615. Л. 23].

Президиум торжественного заседания юбилейной сессии, состоявшейся в Большом театре Союза СССР 16 июня 1945 г. [АРАН. Р.IX. Оп. 2. Д. 14 и Оп. 4. Д. 44]

По мнению собравшихся на Юбилейной сессии ученых, Академия Наук СССР в годы войны сыграла выдающуюся роль и проявила себя так, как ни одна Академия мира! Достаточно сказать, что Академия наук сумела перестроить свою работу на военный лад уже через 3 месяца после начала войны. В США такая перестройка растянулась на несколько лет, а в Великобритании до конца войны так и не удалось мобилизовать науку (Костюк, 2005).

Огромный вклад Академии наук СССР в Победу во многом преопределили проведенные под руководством В.Л. Комарова преобразования, которые состоялись в Академии именно на рубеже 1930–1940-х гг. (Богатов, 2005; Богатов, Урмина, 2020; Черешнев, 2010; 2014). Это:

- значительное укрепление материально-технической базы Академии;
- создание аспирантуры, как эффективной формы подготовки научных кадров;
- децентрализация Академии и создание региональных научных центров;
- организация новых крупных институтов, главным образом оборонного значения;
- переход на планирование научно-технических исследований;
- активное участие ученых в решении научно-технических проблем;

– переход на новые высокопроизводительные технологии непосредственно в заводских цехах (почти всех крупных металлургических, машиностроительных и химических предприятий)...

Советским ученым было чем гордиться. За годы Великой Отечественной войны было выполнено и внедрено более 600 крупных инновационных проектов, более 200 ученых стали лауреатами Сталинской премии разного уровня, 20 академиков стали Героями Социалистического Труда, а 1465 сотрудников Академии наук СССР «за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии наук СССР» были награждены орденами и медалями Советского Союза». В.Л. Комаров по этому указу был награждён третьим орденом Ленина.

К началу Великой Отечественной войны промышленная база фашистской Германии вместе с базой союзников превышала советскую в 1,5 – 2 раза, а в 1942 г., в связи с захватом богатейших районов СССР, – в 3–4 раза. В результате принятых мер, имевших исключительно важное значение для исхода всего противостояния с невероятно мощным врагом, обладавшим огромным экономическим потенциалом почти всей Европы, только в период войны индустриальная мощь Урала возросла в 3,6 раза, Западной Сибири – 2,8 раза, а Поволжья – в 2,4 раза (Спицин, 2018).

В ходе войны было проведено не просто оснащение техникой нашей многомиллионной армии, но и её полное !!! перевооружение.

Подобных результатов перестройки экономики история ещё не знала.

Сегодня общепризнано, что Великая Отечественная война была войной не только моторов, но и интеллектов, и наши ученые её выиграли, сумев в короткие сроки превзойти научно-технический потенциал фашистской Германии! Конечно эта интеллектуальная Победа над фашизмом была заслугой не только В.Л. Комарова, но и его окружения, заслугой всех советских ученых.

Такие вот «камарильи», «потемкинские деревни» и «разрушительные по сути процессы»...

ЛИТЕРАТУРА

- Богатов В.В.** Организации науки в России. Владивосток: Дальнаука, 2005. 292 с.
- Богатов В.В., Урмина И.А.** Академик Комаров и его время. Владивосток: Дальнаука, 2020. 464 с.
- Виноградов В.А.** Мой XX век. Воспоминания. М.: Наука, 2011. 413 с. (<http://bezogr.ru/v-a-vinogradov.html>).
- Дорошев И.А.** Урал – становой хребет обороны // Вестник АН СССР. 1943. № 4. С. 26–35.
- Комаров В.Л.** Наука Сталинской эпохи // Вестник АН СССР. 1937, № 12. С. 29–37.
- Комаров В.Л.** «Волнующая беседа» // Вестник АН СССР. 1945, № 1. С. 7–11.

- Костюк В.В.** Академия наук СССР в годы войны // Вестник РАН. 2005, № 11. С. 975–983.
- Мелуа А.И.** В.И. Вернадский – ученый и организатор науки. Л., 1990. 48 с.
- Матвеева Л.В.** Отто Юльевич Шмидт (1891–1956). М.: Наука, 1993. 210 с.
- Павлов Н.В.** Владимир Леонтьевич Комаров. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 292.
- Садовский М.А.** Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 2004. 271 с.
- Сафронов А.А.** Конфликт в Академии наук СССР: В.Л. Комаров – О.Ю. Шмидт – И.В. Сталин (1941–1942) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 128–149.
- Савина Г.А.** Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров – президент АН // 2012. URL: http://alexanderapel.narod.ru/library/akademik_komarov.htm (дата обращения: 10.02.2020).
- Спицин Е.Ю.** Осень Патриарха. Советская держава в 1945–1953 годах. М.: Концептуал, 2018. 528 с.
- Ферсман А.Е.** Выдающийся ученый и общественный деятель // Вестник АН СССР. 1939, № 10. С. 18–20.
- Черешнев В.А.** Академия наук в годы Великой Отечественной войны. М.: Знание, 2010. 79 с.
- Черешнев В.А.** Реформирование Академии наук в прошлом и настоящем // Вестник РАН. 2014, № 10. С. 927–937.